«Продолжает оставаться на своих буржуазно-националистических позициях…»

В конце 1953 г. бюро Татарского обкома партии приняло постановление «Об идеологических извращениях в сборнике пьес Н. Исанбета». Вскоре в Казани состоялось общегородское собрание писателей, композиторов и работников театрального искусства. С докладом «О состоянии и задачах татарской драматургии» выступил драматург Риза Ишмурат.

Докладчик, обрушившийся на сборник и его автора, идейно-политические аргументы черпал в печально известном постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., раздувшем угрозу национализма. «Центральный комитет партии в своем решении указал на грубые политические ошибки драматурга Наки Исанбета за буржуазно-националистическое извращение истории Исанбетом в связи с эпосом и пьесой “Идегей”», — отметил в своем докладе Р. Ишмуратов. Он обратил внимание присутствующих на то, что Н. Исанбет в свое время каялся в своих ошибках и этого было достаточно для того, чтобы усыпить бдительность. Однако на деле оказалось, что Н. Исанбет все еще «продолжает оставаться на своих буржуазно-националистических позициях, а ряд товарищей, готовя к изданию сборник его пьес, проглядели это»[1]. Почему же работники Таткнигоиздата предали забвению постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., задался вопросом Р. Ишмуратов и сам же ответил: «Они, видимо, решили, что в татарской литературе, в татарской драматургии с националистическими извращениями уже покончено и что уже можно прекратить с ней борьбу»[2].

Н. Исанбет был обвинен в защите джадидизма, отождествлении его с просветительством. Тем самым он, по утверждению докладчика, проигнорировал решение бюро обкома ВКП(б) «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ» от 18 января 1952 г., где четко было определено, что джадидизм — это пантюркистское и панисламское идейное течение, впоследствии ставшее на путь контрреволюции, а просветительское движение сыграло прогрессивную роль в общественной мысли татарского народа и в первые же годы революции без

всякого колебания примкнуло к сторонникам Советской власти[3].

Примерно в таком же духе выступили писатели К. Наджми и Г. Кашшаф. Первый осудил «националистические тенденции драматурга Н. Исанбета»[4], второй порочной по своему идейному существу назвал тему пьесы Н. Исанбета «Миркай и Айслу».

Участвовавший в работе собрания секретарь обкома партии С. Батыев напомнил, что «решение ЦК партии от 1944 г. является программным документом для всех писателей и вообще для работников искусства Татарии»[5]. Тем самым было публично заявлено, что те, кто питает иллюзии насчет ослабления идеологического прессинга, ошибаются. С. Батыев расширил и конкретизировал обвинения, предъявленные Н. Исанбету. В вину ему теперь ставились попытки «протащить националистические идеи через реплики своих героев». По мнению С. Батыева, лозунгом националистов было обращение «братья-мусульмане», которым пользовался один из положительных персонажей пьесы. В пьесе Н. Исанбет утверждает, что Марджани — просветитель, а на самом деле он «реакционер»[6].

Секретарь обкома обратил внимание участников общегородского собрания на то, что в библиографических сведениях, помещенных в конце сборника, умалчиваются националистические ошибки Н. Исанбета. По его утверждению, Н. Исанбет внес поправки националистического характера в пьесу после рецензирования в Таткнигоиздате. Таким образом, Батыев отводил удар от Управления по делам искусств при Совете Министров ТАССР и Таткнигоиздата, без ведома которых пьеса не могла быть опубликована. Обе эти организации, наряду с административно-хозяйственными, выполняли также цензурные функции. Впоследствии выяснится, что в действительности такого рода поправки Н. Исанбет не вносил. А пока было подчеркнуто, что Н. Исанбет не сделал должных заключений из постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.

По ходу дела досталось редакции журнала «Чаян» за публикацию стихов Ш. Мударриса и С. Баттала, что было приравнено к идейно-политическим ошибкам. Эти стихи, по мнению С. Батыева, были слишком критичными по отношению к советской действительности[7].

18 февраля 1954 г. состоялось заседание правления Союза писателей ТАССР, специально созванное по поводу постановления обкома ВКП(б) «Об идеологических извращениях в сборнике пьес Н. Исанбета».

В обсуждении пьесы «Миркай и Айслу» приняли участие: Г. Баширов, С. Хаким, Г. Кашшаф, Ф. Хусни, Э. Давыдов, Т. Гиззат, Г. Халит, С. Баттал, А. Файзи, Г. Иделле и др. На заседании впервые мнения писателей разделились, и не все поддержали позицию обкома партии. Хотя большинство писателей, находясь под впечатлением постановления обкома партии, вынуждены были подвергнуть критике или отдельные суждения героев пьесы, или все произведение в целом. В частности, критик Г. Халит обвинил Н. Исанбета в непонимании сути джадидизма. Драматурга обвинили также в том, что действующим лицам он дал отсутствующие у современных татар имена, от которых «пахнет древностью, чем-то националистическим». Герой пьесы Джаннур — обыкновенный мулла-джадид, а не просветитель. Тази Гиззат призвал Н. Исанбета признаться в том, что он «повторяет ошибки после неоднократных указаний партии»[8]. С ним согласились Ф. Хусни, М. Амир, С. Баттал, Э. Давыдов.

В поддержку Н. Исанбета выступил Сибгат Хаким, который заявил, что «пьеса отражает период в истории народа, имеет свои достоинства». Откровенно высказался и Ахмет Файзи: «Мы не должны допускать шельмования своего товарища. Нужно было встать на его защиту. Те ошибки, которые действительно имеются в книге Исанбета, не могут дать повода к прекращению издания его книги, к гонениям на него. Это касается не только Исанбета, вот сейчас выбросили из книги ряд моих произведений. Завтра могут сделать также с другими, надо защищать своих товарищей». Хава Хусаинова, представитель национальной комиссии Союза писателей СССР, заметила, что «вообще в вопросе Исанбета есть некоторое

преувеличение его ошибок. Нельзя так без разбора бить писателя»[9]. Драматург Т. Гиззат изменил свое первоначальное мнение и обвинил в допущении ошибки Таткнигоиздат[10].

Г. Баширов, председатель Союза писателей ТАССР, попытался политический вопрос свести к частным недоразумениям, обвинив А. Файзи в том, что он положил начало появлению нездоровых настроений в ходе обсуждения, и поспешил закрыть дискуссию, заявив, что защищающие Исанбета не помогают ему, а усугубляют его ошибки. «Вопрос джадидизма ясен, но Исанбет хочет запутать его по-своему», — заключил он.

Однако постановление правления Союза писателей ТАССР было выдержано в рамках партийных требований. В нем подтверждалось, что Н. Исанбет допустил серьезные идеологические ошибки, извращающие историю татарской общественной мысли конца XIX в. Далее следовали обвинения. Он «стер грань» между просветителем-демократом Каюмом Насыри и буржуазно-дворянским ученым-богословом Ш. Марджани, показав просветителя в качестве ученика Ш. Марджани. Н. Исанбет дал положительную оценку джадидизму после внесения полной ясности в этот вопрос решением бюро обкома ВКП(б) в 1952 г. по поводу учебника литературы для 8 класса. Он не сделал необходимых выводов из решения ЦК партии от 9 августа 1944 г. Пьеса «Миркай и Айслу», главными героями которой являются муллы, ишаны, суфии, муэдзины и т. д., не соответствует принципам социалистического реализма. Постановление призывало усилить идеологическую работу, марксистско-ленинское воспитание писателей и внимание к вопросам развития литературной критики[11].

Кроме демонстрации верности установкам постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., кампания вокруг Н. Исанбета и его пьес стала неким знаковым событием. Власти, как правило, прибегали к шельмованию представителей интеллигенции в период политической неопределенности. Прав был И. Эренбург[12], отмечавший, что нападки на литераторов отражают политическую нестабильность в стране.

Впоследствии критика пьесы Н. Исанбета «Миркай и Айсылу» будет признана ошибочной. Но это произойдет после XX съезда КПСС.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. Р-7083, оп. 1, д. 341, л. 335.
2. Там же, л. 336.
3. Там же, л. 278; Пискарев В., Султанбеков Б. Этот учебник не выдерживает большевистской критики // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1997. – 1/2. – С. 81-85.
4. НА РТ, ф. Р-7083, оп. 1, д. 341, л. 279.
5. Там же, л. 284.
6. Там же, л. 285.
7. Там же.
8. Там же, оп. 1, д. 364, л. 25.
9. Там же, л. 27.
10. Там же.
11. Там же, л. 28.
12. Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Огонек. – 1987. – № 24. – С. 29.

Из протокола № 5 заседания правления Союза советских писателей ТАССР

18 февраля 1954 г.

Присутствуют: Баширов, Хакимов, Кашшаф, Хусни, Давыдов, Гиззатов, Халит, Исанбет, Баттал, Б. Гизатуллин, А. Файзи, от нац[иональной] комиссии ССП СССР — Хусаинова, М. Амир, Г. Иделле, Гумеров, Ибрагимова.

Повестка дня*:

1. Об идеологических извращениях в пьесе Н. Исанбета «Миркай и Айсылу».
2. Заявления.

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (здесь и далее подстрочные примечания редакции).

Слушали:

Информацию тов. Кашшафа о постановлении бюро Обкома КПСС «Об идеологических извращениях в сборнике пьес Н. Исанбета».

Вопросы:

Исанбет: В постановлении речь идет об одной ошибке, почему же в отношении меня ведется такая репрессия?

Кашшаф: Никакая репрессия в отношении Вас не проводится, Вам помогают, указывают на Ваши ошибки, а Вы не хотите это признать, принимаете это за репрессию.

Выступили в прениях:

1. Халитов: «Миркай и Айсылу» — одна из худших в художественном отношении пьес Исанбета. Во-первых, она не оригинальна, в повести М. Гафури «Кара юзляр» эта тема, этот материал, этот сюжет раскрыт с большей глубиной. Пьеса была сделана Исанбетом в пору увлечений ТГАТ сентиментально-мелодраматическими вещами. Исанбет не имел права включать пьесу в сборник. Рецензенты и редакторы плохо помогли Исанбету отобрать хорошее, отбросить плохое. В пьесе от начала до конца искусственность, нарочитость. Возьмите имена действующих лиц: Гофрай, Лейли, Заркай и др. Таких имен у современных татар нет, от них пахнет древностью, чем-то националистическим.

Вопрос о просветителях: образ Джаннура введен в пьесу насильно, он чужд пьесе. Джаннур называется просветителем, а на самом деле он противостоит просветителям. Он трус, внутренне — пуст. В словах у него сумбур. Этот образ фальсифицирует понятие «просветитель». Чувствуешь, автор и сам смеется над ним. Джаннур дан как обыкновенный мулла-джадид. Автор и после постановлений партии не понимает сути джадидизма, встает на его защиту.

Включение пьесы в сборник считаю большой политической ошибкой.

2. Гиззатов: Исанбет должен признать свою ошибку. Это должно послужить уроком для нас всех. До известных постановлений партии и у других были подобные ошибки. Например, в пьесе «Смелые девушки» я так же путал просветительство с джадидизмом. Но совершенно непростительно, когда повторяет Исанбет эти ошибки после неоднократных указаний партии. О пьесе дополнительно хочется еще сказать, что в ней нет почти ни одного образа положительных представителей народа, борющихся с темными силами. Она мрачна и пессимистична.

3. С. Хакимов: Я не соглашаюсь с утверждением Халита, будто пьеса Исанбета является сплошным плагиатом и не имеет художественной ценности. Пьеса отражает период в истории татарского народа, имеет свои достоинства, но есть места, над которыми автору необходимо поработать. Главное – показать острую социальную, политическую борьбу. Не раскрывается и социальное лицо ряда образов. Почти нет представителей трудящихся. Джаннур только назван просветителем, а на самом деле не является таковым.

4. Ф. Хусни: Эту пьесу я смотрел в театре 16 лет назад. Помню, она оставила плохое впечатление. Очень уж все в ней мрачно. Нет представителей народа, нет веры в лучшее будущее. Несмотря на многие указания, Исанбет, готовя пьесу в сборник, не сделал нужных исправлений. Но я тоже не согласен с тем, кто окончательно бракует пьесу и видит в ней лишь шаблонную любовную трагедию. Любовная трагедия имеет тоже свою социальную основу. В пьесе показана чистая, благородная любовь у трудящихся людей, а грязь, моральное падение у мулл и баев. Это сделано правильно.

Главной ошибкой Исанбета нужно считать то, что он и после ряда указаний партии допустил извращение истории татарского общественного движения. Выведенный им образ Джаннура не является просветителем, искажает просветительство. Еще хуже то, что, как я слышал, Исанбет внес слова, искажающие историю, нечестным путем, при корректуре.

Причиной частых ошибок Исанбета я считаю то, что он живет почти совершенно оторванно от коллектива товарищей, не проявляет активности в работе Союза.

5. А. Файзи: Обвинения, выдвинутые против Исанбета, нужно сказать, не оправдались. Мы не должны допускать ошельмование своего товарища. Нужно было встать на его защиту. Те ошибки, которые действительно имеются в книге Исанбета, не могут дать повода к прекращению издания его книги, к гонениям на него. Это касается не только Исанбета, вот сейчас выбросили из книги ряд моих произведений. Завтра могут сделать так же с другими. Надо защищать своих товарищей.

6. Ибрагимова: Я, как редактор, должна пояснить, что обвинение Исанбета, что он будто вносил ошибочные исправления в пьесу, скрывая от редакторов, необоснованное. Он вносил эти исправления после рецензии, при редактировании все эти ошибочные места, если бы мы были более внимательны, могли видеть — помочь товарищу.

7. М. Амиров: Значение постановления обкома заключается в том, что оно правильно сосредотачивает наше внимание против малейших ошибок националистического характера. Ахмет Файзи неправильно встал на защиту ошибок Исанбета, на путь смазывания его ошибок. Ведь Исанбет, несмотря на неоднократные указания партии, упорно продолжает ошибаться. Он должен сделать для себя соответствующие выводы.

8. Баталов: Я считаю, что постановление обкома совершенно правильное. Нам надо вообще пересмотреть, проверить наше литературное хозяйство.

9. Давыдов Э.: Тов. Исанбет не принимает критику, он противопоставляет себя общественности. Тов. Исанбет вообще не хочет быть в тесной связи с писательской общественностью, стоит в стороне от жизни ССП, общественные поручения не выполняет, критику не воспринимает.

10. Исанбет: С первых дней Советской власти я поставил свое перо на служение Советской власти. Я писал произведения, направленные против национальной буржуазии, против джадидов. Но с тех пор, как я переехал в Казань, начались гонения на меня. Сначала вышла провокация по поводу «Джидегян», затем уничтожили все мое творчество. Почему в Татарии творятся такие грязные дела? Сколько пакостили мне все, я, несмотря на это, писал, писал произведения, направленные против религии, против национализма. В 1940 г. я написал «Идегей», но ведь это было сделано по заданию, да потом, сколько меня вы же все хвалили, пока не вышло постановление ЦК. А после постановления всю вину свалили на меня. Чтобы поставить одну пьесу, мне приходится ходить, просить по 3 года подряд. Когда я болел, никто не интересовался мною, а, наоборот, желая убить меня, изъяли мою книгу. Союз писателей не встал на защиту меня перед обкомом партии, дали обкому возможность вынести такое решение.

Если пойдем по этому пути, это не ограничится только мною, сегодня побьют меня, завтра другого, послезавтра третьего. Нужно защищать своих писателей. Слово «мәгърифәтче»* в пьесе не означает «просветитель», а «просвещенец». Постановление бюро ОК неправильное.

11. Хусаинова: Такие ошибки нам нужно было видеть до постановления ОК. Вообще, в вопросе Исанбета есть некоторое преувеличение его ошибок. Нельзя так без разбора бить писателя.

12. Т. Гиззатов: Нужно указать Татгосиздату, что драматические произведения не получают квалифицированную рецензию.

13. Баширов Г.: В обсуждение вопроса проникали нездоровые настроения. Началось это выступлением А. Файзи. Некоторые товарищи защищают ошибки Исанбета, то есть, по существу, ему не помогают, а усугубляют его ошибки. Исанбет сам тоже встал на неправильный путь, он считает себя, и только себя, безупречным, чистым и ничего не говорит о своих конкретных ошибках. Вопрос джадидизма — ясен, но Исанбет хочет его запутать по-своему. Постановление ОК совершенно правильное, Исанбет должен был принять его как помощь.

Исанбету постоянно оказывается помощь и доверие, он не прав, когда говорит, что его всегда обижают, неоднократно избирали его в правление ССП, разве это не доверие? Посылали в творческие командировки — разве это не помощь?

Исанбета и сейчас мы ценим как талантливого писателя, но он должен признать свои ошибки.

В порядке справки нужно сказать, что обвинение Исанбета в том, что он внес исправления контрабандным путем, нужно считать необоснованным.

Постановили:

Тщательно ознакомившись и всесторонне обсудив сборник пьес драматурга Н. Исанбета, выпущенный Таткнигоиздатом, а также выслушав объяснение тов. Н. Исанбета, заседание правления Союза советских писателей Татарской АССР отмечает, что драматург Н. Исанбет в пьесе «Миркай и Айсылу», включенной в сборник, допустил серьезные идео-

* Слово вписано от руки.

логические ошибки, извращающие историю татарской общественной мысли конца XIX века. В этой пьесе выведен образ Джаннура, который автором выдается за просветителя. Однако вместо того, чтобы в полной мере раскрыть прогрессивно-демократические черты просветителя, автор его устами [провозглашает]* обращается словами татарских буржуазных националистов «Братья-мусульмане», отрицавших классовое расслоение в старой татарской деревне. Вопреки исторической правде Н. Исанбет стирает всякую грань между выдающимся просветителем-демократом Каюмом Насыри и буржуазно-дворянским ученым-богословом Марджани, он показывает просветителя в качестве ученика Марджани, таким образом, отождествляет просветительство с реакционным течением джадидизма.

Ошибка Н. Исанбета усугубляется еще и тем, что он дает положительную характеристику джадидизму после внесения полной ясности в этот вопрос известным решением бюро ОК КПСС в 1952 году по поводу учебника литературы для 8 класса.

Н. Исанбет не сделал необходимых выводов из решения ЦК партии от 9 августа 1944 года, в котором сурово были осуждены [допущенные]** ошибки националистического характера, как популяризация ханско-феодального эпоса «Идегей» и создание пьесы «Идегей».

Пьеса «Миркай и Айсылу» отходит от социалистического реализма, и исторические события и обстановка в ней рисуются натуралистическими приемами. Так, например, главными героями пьесы являются муллы, ишаны, суфии, муэдзины, юродивые, знахарки, конокрады и др., которые вытеснили образы представителей народа. Народ в пьесе вовсе не показывается, а положительные образы выведены бледными, тусклыми, безвольными.

Все это является результатом того, что Н. Исанбет предал забвению исторические решения партии от 9 августа 1944 г. и последующие решения по идеологическим вопросам и не сделал для себя необходимых выводов.

Правление ССП ТАССР считает совершенно правильным указание бюро ОК КПСС о явно неблагополучном состоянии идеологической работы в Союзе писателей, о низком теоретическом уровне отдельных писателей.

Заседание правления ССП постановляет:

1. Указать Н. Исанбету на недопустимость его серьезных ошибок, извращающих историю татарской общественной мысли, ведущих [к] смазыванию реакционной сущности буржуазно-националистического течения джадидизм, способствующих проникновению националистических идей в советскую татарскую литературу.
2. Усилить идеологическую работу и марксистско-ленинское воспитание писателей, добиться, чтобы все писатели систематически работали над повышением своего идейно-теоретического уровня.
3. Еще шире развернуть принципиальную и деловую критику в творческих секциях ССП, бороться за идейную чистоту литературы, за высокий идейно-художественный уровень произведений.
4. Отмечая слабое состояние литературной критики, правление ССП обязывает редколлегию журнала «Совет эдебияты» усилить внимание [к] вопросам развития литературной критики.
5. Отметить, что обвинение Исанбета в том, что якобы он внес исправления в пьесу контрабандным путем, является необоснованным. […]***

Председатель правления ССП ТАССР (подпись) Г. Баширов.
Секретарь (подпись) Э. Давыдов.

НА РТ, ф. Р-7083, оп. 1, д. 364, л. 24-29.

Публикацию подготовил
Рафаил Хаплехамитов

* Зачеркнуто.
** Зачеркнуто.
*** Далее пропущена часть с заявлениями.